

Больше всего я люблю преподавать

Кто они, наши преподаватели? Все ли мы знаем о них? Мы пообщались с одним из самых замечательных преподавателей на нашем факультете Юрием Алексеевичем Дядченко и узнали несколько интересных фактов.

Первый вопрос. Где вы учились?

Ю.А.: Я учился в Воронеже. Воронежский университет – это бывший университет Тарту, есть такой город, теперь уже за границей. Сразу после революции оттуда переехала большая часть профессуры, которая изначально образовала университет. Так он по сей день и существует. Математический факультет был в то время одним из самых мощных не только в университете, но и в СССР. Воронежская математическая школа, основателями которой были В.И.Соболев, М.А.Красносельский и С.Г.Крейн, по определенным направлениям, в основном по теории функций и функциональному анализу, конкурировала со столичными школами. В то время, когда я учился, были советы по защите докторских диссертаций по пяти или шести специальностям, не говоря уже о кандидатских советах. Впоследствии, по ряду причин, университет покинули многие крупные ученые, но и сейчас математический факультет является одним из ведущих в Воронежском университете. На этом факультете я и обучался, сначала как студент, затем как аспирант.

Как вы попали в ВолГУ?

Ю.А.: Это было в восьмидесятом году, в первый год существования начало университета. В то время руководство области постаралось привлечь молодых преподавателей из других вузов.

Вы не пожалели, что приехали в Волгоград?

Ю.А.: Нет, уже конечно, нет. Хотя, понимаете, время, когда вы учитесь в вузе, самое плодотворное во всем, в том числе относящимся к кругу общения, появлению новых друзей, приятелей, будущих коллег. Все-таки школьные друзья уходят, да и в любой школе разнородные люди, а в вузе собираются люди по интересам. Безусловно, есть и те, кто просто пошел туда, где конкурс поменьше, хотя к матфаку это в меньшей степени относится. И вот те связи с моим тогдашним окружением прервались потихоньку. С другой стороны, нынешний мир устроен так, что люди передвигаются. Это традиционно, особенно для если на пять лет куда-то уехал, поработал там, куда-то еще поехал.

Когда зародилась традиция отмечать день факультета? И участвовали ли вы в этом?

Ю.А.: Участвовал, конечно. Как вы уже, наверное, знаете, сначала был один факультет в университете, естественных и гуманитарных наук. Потом появились физмат и гуманитарный факультеты. Затем в восьмидесят пятом году факультет разделился на физический и математический, деканом которого меня и назначили. Вообще в то время разными начальниками перебивала масса народу. Я имею в виду прежде всего административными. Деканом факультета изначально был Морозов Александр Гаврилович, затем какое-то время Пелих был деканом, потом Харламов. Я был деканом три с половиной года. После я потрудился на следующей административной должности, походил в проректорах приблизительно полтора года. А потом я свою деятельность в университете прекратил.

Почему?

Ю.А.: Изначально по одной основной причине. Дело в том, что к административной деятельности я не то, чтобы не приспособлен, но она мне не очень нравится. Особенно, если это должность начальника, который управляет большим количеством подчиненных, и не самостоятельно, а через кого-то. Начальник, который своими подчиненными непосредственно руководит – к этому я (для себя) отношусь хорошо. Это отдел, например, кафедра. А когда я – проректор и начальником являюсь непонятно над чем - вуз вообще структура не вертикальная? Может ли проректору по научной работе, которым я работал полтора года, прийти в голову приказать заняться кому-то каким-то направлением исследований? Конечно, это было бы абсурдом. Другая причина заключается в том, что все мои научные занятия естественным образом прервались, как только мне случилось заниматься административной деятельностью. Это несовместимые вещи, кто бы что ни говорил.

Я ушел из проректоров в девяностом году потому, что посчитал, что пришла пора заняться наукой, а как раз в это время образовался отдел академического института. Он хоть и назывался Институт машиноведения, но у существовал небольшой отдел, в котором можно было спокойно заниматься научной деятельностью. В университете я остался, примерно так, как и сейчас, на полставки.

Потом, во времена, которые сейчас принято называть «развал СССР», финансирование прекратилось, и нас оставили «на вольных хлебах».

Итак, основной причиной ухода из университета было желание заняться только научной работой. Хотя, я для себя считаю, что если перечислить все, что я как-то умею делать, то больше, как мне самому кажется, я люблю и умею преподавать.

Но вы продолжали преподавать в ВолГУ?

Ю.А.: С разными перерывами. Пока я трудился в Академии наук – да. Потом я работал Институте управления (теперь Академия Госслужбы). Там под моим началом образовалась кафедра Прикладной математики, информатики.

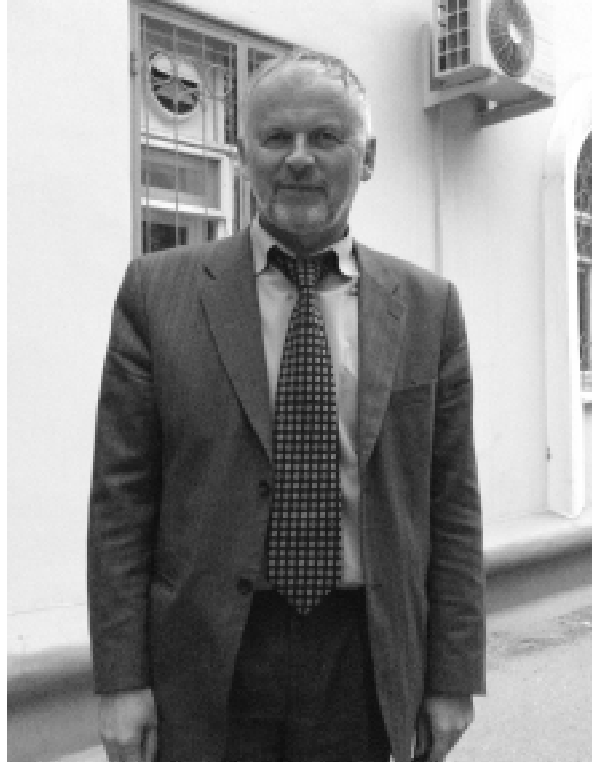
А сейчас вы чем занимаетесь?

Ю.А.: Сейчас я на полставки работаю в университете. А основная моя работа, которой я занимаюсь уже с девяносто четвертого года, с некоторыми перерывами, в Фонде Обязательного Медицинского Страхования. Это государственная организация, которая финансирует здравоохранение в Волгоградской области. Причем само финансирование и сама система обязательного медицинского страхования довольно сложная с точки зрения информационных потоков и обработки информации. Например, в одну из таблиц баз данных, я следил, добавляется по сто тысяч записей ежедневно. Это серьезная информационная структура.

Ходят слухи, что вы собираетесь уходить с факультета. Так ли это?

Ю.А.: Увольняться? Нет, пока не собираюсь.

Часть ФИТТ перешла к матфаку, как вы к

этому относитесь?

Ю.А.: Знаете, мне трудно судить полноценно по той простой причине, что я многого не знаю. Но кое-то могу сказать. То, что на факультете должно шире, больше и интенсивней должны преподаваться информационные технологии – для меня это аксиома. Вообще, во все времена вуз стоял отдельно, а реальная жизнь отдельно, так всегда было в советском обществе. Это не означает, что плохо учить доказывать теоремы, понятно, и, как все обычно приговаривают, это развивает. Знаете, можно играть в шахматы, это тоже развивает. Но желательно это развитие сочетать в большей степени, с моей точки зрения, с какой-то реальной деятельностью. Делая курсовую под руководством практически любого преподавателя, вы пишете программу, учитесь программировать. Но лучше бы, если это было еще больше приближено к рынку труда, который существует у нас за воротами университета.

Поэтому вроде бы хорошо, что ФИТТ к нам присоединился, но беда-то в том, что не так много людей, которые бы преподавали в университете и знали из своей практической работы, какими должны быть основные навыки у будущего выпускника.

Мы несколько отошли от темы дня факультета. Какие на факультете были традиции, как они зарождались?

Ю.А.: Слово «традиции» я бы употреблял к организации, к объекту, который долго живет. Я

живу дольше, чем факультет, но внутри себя у меня не так уж много традиций, понимаете?

Что мне точно нравилось – это то, как в восьмидесятые годы проходили дни математика. Тогда лично я был в восторге от этого праздника.

А все остальное... Если говорить о традиции громким словом – о традиции научной школы, это даже не за года все происходит. Традиция имеет под собой что-то более протяженное по времени, хотя факультету и двадцать лет.

Чем вам запомнились те дни математики?

Ю.А.: Запомнились, наверное, тем, что, принимали участие практически все: и студенты, и преподаватели. Конечно, основной преподавательский состав тогда был значительно моложе. Средний возраст тогда был лет тридцать, а то и меньше. Был меньше и сам факультет. Вообще первые годы факультета все друг друга знали, и мы от студентов отличались совсем на чуть-чуть. Может быть, поэтому они и запомнились.

Вы, должно быть, студентов много видели. Студенты, которые были тогда, и сегодняшние сильно отличаются?

Ю.А.: Я сам от себя отличаюсь сегодняшний от вчерашнего. Но из каких-то глобальных отличий я бы только одно отметил. Это не относится только к математическому факультету, к его студентам. Сейчас люди стали чуть более свободными и раскрепощенными – это факт. Раньше, скажем двадцать лет назад, я тоже с удовольствием общался со студентами, но все равно я больше чувствовал их некоторую зажатость. Это обуславливалось воспитанием того времени.

А в остальном существенных отличий нет. Всегда кто-то больше хотел учиться, кто-то желал другого. В целом глаго и неправильно жаловаться на молодых. Меня кто-то спросил недавно на факультете о выпускниках матфака, которые у меня работают: «Ну как они, хорошие?» Если молодому человеку дают самостоятельное дело, не стоят у него над душой, если ему платят какую-то сносную зарплату, он и будет хорошим почти наверняка. Если ему не дают никаких условий, его посадят и скажут: «Вот сиди перепечатывай из этой бумажки в эту бумажку», - ему будет скучно, он будет плохим.

И, напоследок, что вы пожелаете ко дню факультета?

Ю.А.: Желать организации я как-то не умею. «Факультет, я тебе желаю...» - это довольно смешно. Пожелать преподавателям – они взрослые, они сами знают, что им нужно. А что касается студентов, то студенткам, безусловно, дальше хорошо и расцветать, юношам – мужать. Как бы сформулировать, чтобы было политкорректно и не могло трактоваться как призыв к игнорированию священного долга? В общем, чтобы все было в этом смысле хорошо. И научиться тому, что вам понадобится в будущем, чтобы получить навыки для дальнейшей нормальной и интересной работы, и чтобы в дальнейшем она у вас появилась.

Беседовали Екатерина Хрипунова и Дарья Алтухова

